

Цзи Чонг поднял брови, и рука, тянущая за воротник Цзи Жуна, остановилась.

Цзи Жуна ухмыльнулся, а когда увидел, что Цзи Чонг остановился, улыбка на его губах становилась все шире.

— Жаловаться? У тебя хватает наглости жаловаться? — Цзи Чонг был так зол, что у него заболел живот, и он накричал на него.

Цзи Жун сказал:

— Почему это я не могу? Я сделал это только потому, что ты не ясно выразился, и если я объясню ему, он обязательно простит меня! Но если ты ударишь меня, я не думаю, что он простит тебя!

— Не думай, что я не посмею ударить тебя только из-за этого.

Говоря это Цзи Чонг повернул голову и взглянул на студентов и офицеров столпившихся у двери.

Цзи Чонг живет на Северной звезде уже много лет, у него обычно холодный вид, к тому же он все это время занимал высокий пост в армии, его аура необычайно сильна. Гневный взгляд брошенный на них в это время казался особенно пугающим, Гу Бай испугался, застыл на месте, и, заикаясь, произнес:

— Маршал, я...я только что услышал шум и подумал, что что-то случилось с Цзи Жуном...

Цзи Чонг знал, какое впечатление он обычно производит. Даже солдаты под его командованием не смели дышать, когда видели его таким злым, не говоря уже о группе студентов. Увидев побелевшее от страха лицо Гу Бая, он замолчал на мгновение, ослабил хватку на воротнике Цзи Жуна, кивнул Гу Баю в знак понимания и сказал:

— Да, этот ребенок попал в неприятности.

Гу Бай немного нервничал, хотя он и путешествовал с Цзи Чонгом в этой поездке, но разговаривал с ними всего несколько раз.

— Маршал, тогда мы выйдем первыми, а вы продолжайте...

Цзи Чонг обвел взглядом всех собравшихся, потом он прищурился и снова посмотрел на Цзи Жуна и спокойно сказал:

— Да, идите.

Гу Бай и остальные развернулись и быстро ушли.

Все собралась внизу.

Из-за крика Цзи Жуна все выскочили из своих комнат в чем были, и теперь все сидели внизу в холле в пижамах и смотрели друг на друга.

— Цзи Жун — сын Бога войны?

— Кажется... да.

— Черт возьми! — Гу Бай застыл и ударил рукой Кирилла, сидящего рядом с ним, говоря: — Ущипни меня, а то мне кажется, что я до сих пор сплю!

— Я уже только что ущипнул себя, — сказал Кирилл с грустным видом, стряхивая руку Гу Бая.
— Я уверен, что это реальность.

Что за стиль жизни победителя у этого Цзи Жуна... Гу Бай потерял дар речи, моложе его, сильнее его, даже отец у него — идол, которому поклоняется вся Федерация!

— Цзян Юань, ты знал, что Цзи Жун — сын Бога Войны? — спросил Гу Бай, увидев спокойное лицо Цзян Юаня, совершенно не похожее на остальных.

Цзян Юань покачал головой:

— Я не знал.

Лицо Гу Бая было полно сомнений:

— Правда?

— Правда.

Гу Бай на мгновение уставился на Цзян Юаня, немного неуверенный его словами, и спросил снова:

— Тогда почему ты так спокоен и совсем не шокирован!

— Он сказал, что вырос на Северной звезде, — сказал Цзян Юань тихим голосом.

На самом деле, когда Цзян Юань впервые встретил Цзи Чонга, то подумал, что они похожи. К тому же раньше Цзи Жун рассказывал, что он вырос на Северной звезде. Плюс он заметил, что имени Цзи Чонга не было в списке их сопровождающих, поэтому он давно догадался, что у этих двоих необычные отношения, но он не думал, что они отец и сын.

В конце концов, семейное положение Цзи Чонга показывало, что он не женат, и тот факт, что у него был внебрачный ребенок, был тем, о чем никто в армии Северной звезды даже не сплетничал, а старшие офицеры на столичной планете не стали бы обсуждать это в интернете, даже если бы знали об этом, так что, естественно, Цзян Юань не знал.

— Разве дело не в том, что Бог войны встречается с кем-то в Хойте?

— Тот омега, которого мы видели на банкете, — пара Бога войны! Черт, Бог войны был холост столько лет, но на самом деле это потому, что его сердце принадлежит кому-то!

О-о-о..! Тьфу!

Так что ответ прост: оказывается сердце маршала уже занято.

Бог войны хранит свое тело для жены и в одиночку воспитывает их ребенка.

Каким омегой должен быть отец-омега Цзи Жуна, чтобы так очаровать Бога войны?

Все смотрели друг на друга, прокручивая в голове бесконечные догадки.

Офицеры: ...

Несколько офицеров считали, что в словах Гу Бая и других есть смысл, но они смутно чувствовали, что что-то не так.

Когда маршал Цзи вернулся вчера, его тело было полно странных альфа-феромонов. Если Цзи Жун — дитя маршала Цзи и омеги, то что тогда с альфа-феромонами на теле маршала вчера?

Но если подумать...

Мы не знаем и не осмеливаемся спросить.

В зале воцарилась тишина, и некоторое время никто не разговаривал. Гу Бай посмотрел вверх, в нем проклюнулось любопытство, поэтому он спросил:

— Как вы думаете, Цзи Жун будет побит сегодня?

— Да!

— Да!

— Да!

...

Цзян Юань:

— Нет.

Все в унисон посмотрели на Цзян Юаня.

Кирилл не мог не спросить его:

— Почему?

— Нет причин, просто я так чувствую.

Цзян Юань подумал о том, что Цзи Жун ранее рассказывал ему о своей мачехе.

Кирилл взглянул на Цзян Юаня, подошел ближе и похлопал его по плечу рукой:

— Цзян Юань, ты не хочешь со мной поспорить?

Цзян Юань поднял брови:

— На что?

Кирилл слегка улыбнулся и сказал:

— Тот, кто проиграет будет называть выигравшего братом*, я ведь старше тебя, так что это нормально, верно?

(* наверное тут надо уточнить, что они говорят о почтительном названии (обращении) для старшего лица мужского пола своего поколения; уважаемый старший брат, а не набиваются в

родственники Цзян Юаню :)

Цзян Юань взглянул на него:

— Да, нормально.

Гу Бай сразу же сказал:

— Подождите, я хочу присоединиться к вам!

Цзян Юань услышал слова Гу Бая и бросил на него косой взгляд. В ответ Гу Бай ехидно улыбнулся и подмигнул Цзян Юаню.

Цзян Юань и Цзи Жун никогда не называли их старшими с тех пор, как присоединились к команде, не говоря уже о "братьях". Так как они никогда не смогли бы выиграть в силе было бы приятно услышать, как Цзян Юань называет их братьями!

Цзян Юань улыбнулся:

— Хорошо.

— Это... мы тоже с вами. — Двое других товарищей по команде посмотрели на Цзян Юаня с улыбкой: — Ты не против?

— Нет, не против.

Гу Бай увидел, как Цзян Юань согласился и приподнял уголок рта. Бог войны строго управлял армией и часто тренировался с солдатами, каждый, у кого в семье был офицер, знал характер Бога Войны Цзи Чонга.

Как мог Бог войны поддаться угрозам Цзи Жуна, это было невозможно!

Как бы Бог войны не любил этого омегу, он бы не поддался на такое!

А сама мысль о том, что Цзян Юань будет называть их братьями, доставляла огромное удовольствие.

На некоторое время все внимание собравшихся было приковано к определенной комнате на втором этаже.

После того, как все ушли, Цзи Чонг посмотрел на закрытую дверь и сказал Цзи Жуну:

— Не думай, что я не могу ничего с тобой сделать только потому, что у тебя есть кто-то, кто тебя поддерживает, у меня есть много способов справиться с тобой!

Цзи Жун своими длинными пальцами поочередно разжал пальцы на руке, которая держала его за воротник, подмигнул Цзи Чонгу и сказал:

— Уважаемый отец. Вы ведь с моим отцом только встретились спустя столько лет, вы не должны хотеть, чтобы я, лампочка, вернулся домой, верно?

Цзи Чонг: ...

Не говоря уже о том, что, сейчас он очень раздражен Цзи Жуном из-за того, что тот заставил его возлюбленного расстроиться и грустить, ему очень не хотелось, чтобы Цзи Жун мешал ему и его возлюбленной до конца их дней.

Глядя на стоящего перед ним сына, Цзи Чонг отпустил его руку и бросил ему свой коммуникатор в руки, прорычав:

— Объясни все сейчас же, не огорчай больше своего отца.

Цзи Жун взял коммуникатор и открыл его, перелистывая контакты, и внезапно замер.

— Пфф!!! — Цзи Жун разразился смехом.

— А? — Цзи Чонг недовольно поднял брови и посмотрел на своего сына.

— Любимый? Разве ты не называешь папу малышом? Почему ты не используешь "малыш" для подписи контактного номера?

— Заткнись, — Цзи Чонг посмотрел на Цзи Жуна, — Не теряй времени, просто позвони и объясни!

Императорский дворец Хойта.

Министр финансов Людвиг Форрестер близок к концу своей жизни. Бусинка пота размером с горошину скатилась по лбу старика, который был чиновником министерства финансов Хойта еще с тех времен, когда отец Хо Жунцы был императором, и со звоном упала с его челюсти на

пол.

За ним стояли еще несколько высокопоставленных чиновников, переживших правление трех императоров Хойта, и все они молчали.

Нынешний Император Хойта был не таким, как два предыдущих Величества.

Двое мужчин, стоявших перед ним, уже были вызваны только что Его Величеством, и тот, кто вышел последним, был настолько бледен, что даже шатался при ходьбе.

Людвиг Форрестер, как и другие, ждал аудиенции императора.

Когда он увидел что кто-то вышел, то подошел, чтобы спросить, что сказал Его Величество. Но оба его давних друга покачали головой и сказали, чтобы он не спрашивал, а затем быстро ушли в сопровождении дворцовой стражи.

— Его превосходительство Людвиг, Его Величество вызвал вас к себе.

Людвиг Форрестер вздрогнул и вытер пот со лба, тяжело сглотнул, ответил и поспешил зайти.

Войдя, Людвиг Форрестер заметил необычную тишину в Большом зале, было так тихо, что даже падение булавки было бы слышно.

Железный император Хо Жунцы был богом в сердцах народа, а для тех из них, кто был свидетелем его восхождения к власти, Хо Жунцы тоже стал богом.

Богом, управляющий жизнью и смертью.

Хо Жунцы был явно расстроен. Людвиг Форрестер серьезно постарался вспомнить, где он мог ошибиться, но ничего так и не пришло ему в голову...

Когда Хо Жунцы только взошел на престол, сын знатной семьи случайно убил простолюдина, и его семья обратилась к Хо Жунцы за помощью. Но в то время Хо Жунцы не мог защитить даже себя и не мог заботиться о других, и все думали, что на этом история закончилась...

Но когда Хо Жунцы получил контроль над Хойтом и стал императором не только по имени, его величество просто "смел" всех убийц, тех, кто их покрывал, и целый ряд чиновников.

Когда несколько лет назад в стране была обнаружена коррупция, если бы с ней разобрался бывший император Хойта, самое большее, что можно было сделать, это посадить в тюрьму несколько человек в соответствии с законом. Но когда дело доходит до Хо Жунцы, тщательное

расследование будет проведено по всей стране, и те, кто знал об этом, но не сообщил, и те, кто способствовал этому, тоже были осуждены.

Я всегда был осторожен в своих словах и поступках, все нормально.

Людвиг Форрестер серьезно настроился, прежде чем осторожно и почтительно воскликнуть:

— Ваше Величество.

В тот момент, когда Людвиг Форрестер заговорил, он услышал знакомый звук.

Это был звук вибрирующего коммуникатора.

Единственным человеком, который осмелился бы так звонить Его Величеству, был только его родной брат, принц Хо Чжайя.

Только бы принц не разгневал Его Величество еще больше...

Людвиг молился в своем сердце.

Хо Жунцы посмотрел вниз, увидел имя Цзи Чонга, повернул голову, чтобы посмотреть на Людвига, который стоял на коленях на полу, отошел в сторону и ответил на звонок.

— Как... все прошло? — спросил Хо Жунцы после некоторого молчания.

— Папа!

Голос был очень знакомый, он слышал его только вчера, не слишком высокий, не слишком низкий, очень приятный.

Хо Жунцы был ошеломлен, что сделал Цзи Чонг?

— Папа, ты слушаешь? Это я, Цзи Жун!

— Да!

Цзи Жун откашлялся и немного смущенно объяснил предыдущее недоразумение:

— Не сердись на вчерашнее сообщение, я просто не правильно понял ситуацию...

— Неужели ты звонишь только из-за этого? Он же не заставил тебя...

— Правда, клянусь, он не заставлял меня извиняться, — беспомощно сказал Цзи Жун, объясняя разговор, который он подслушал вчера, — Я сказал это, потому что был расстроен тем, что услышал вчера от отца и маршала Альфонсо...

Сердце Хо Жунцы потеплело, так вот оно как.

Его сын пытался защитить его.

Яркие глаза Хо Жунцы, слегка прищурились, уголки губ приподнялись и больше не опускались.

Людвиг стоял на коленях, с тревогой ожидая возвращения Его Величества Императора.

Топ-топ-топ.

Шаги приблизились, и Людвиг бессознательно опустил голову, не осмеливаясь даже взглянуть.

— Вставай.

Людвиг поспешно поднялся с пола и посмотрел на Хо Жунцы, на мгновение его ноги ослабли, и за короткий миг он обдумал миллион возможностей.

Его Величество улыбается?

Смеется от гнева?

Он... не был готов позвонить в больницу и пожертвовать тело.

В тот момент, когда Людвиг пошатнулся, Хо Жунцы протянул руку, чтобы поддержать своего старого министра. Поскольку он был в хорошем настроении, то задал еще один вопрос:

— Вы плохо себя чувствуете?

— Нет, нет, нет... Я в порядке...

Хо Жунцы слегка кивнул и заговорил о том, зачем он хотел сегодня увидеть Людвига.

Через некоторое время.

— Я весь в вашем распоряжении, Ваше Величество.

Хо Жунцы бросил на Людвига довольный взгляд и позволил уйти.

Людвиг вышел из Большого зала, глубоко вздохнул и, едва покинув дворец, направился к воротам. Неудивительно, что двое мужчин, ушедших ранее, ждали возле ворот и остановили его, как только увидели.

— Людвиг, Его Величество говорил с тобой об реформе?

— Да. — кивнул Людвиг.

Один из них спросил:

— Как ты ответил?

— Конечно, я согласился с Его Величеством!

Оба мужчины ничуть не удивились, услышав ответ Людвига, потому что они оба ответили точно так же, как и он.

Людвиг спросил в ответ:

— А вы?

Один из них воскликнул:

— Конечно, я тоже согласился с Его Величеством, который все это время сидел с черным лицом, я был напуган до смерти так, что заикался!

— Ты лучше меня, я даже не мог говорить, я думал, что в следующем году будет годовщина моей смерти...

Людвиг слегка рассмеялся:

— Мне везло больше, чем вам.

— Что?

— У Его Величества было такое же черное лицо, когда он увидел меня, но у него зазвонил коммуникатор, и когда он вернулся после разговора...

— Какой он вернулся? — поспешно спросили эти двое.

— После того, как он вернулся, уголки его рта ни разу не опустились.

— Это был принц Хо Чжайя?

— Я толком ничего не расслышал, но не думаю, что это был он...

С другой стороны, Серебряно-белый дворец, резиденция Федерации.

Дверь в одну из комнат наверху была настежь открыта.

Цзи Чонг слушал, как Цзи Жун все объяснял Хо Жунцы, и чувствовал счастливое настроение своего возлюбленного во время разговора. В конце Цзи Чонг тоже сказал несколько слов извинений и своему возлюбленному и договорился о встрече позже.

Что касается вопроса об наказании Цзи Жуна... Он решил отказаться от этого, его очень беспокоило, что этот ребенок и вправду нарушит их мир, состоящий из двух человек.

После ухода Цзи Чонга, Цзи Жун переоделся, спустился вниз и сел в столовой.

Цзи Жун взял свою тарелку и палочки для еды, приложил кулак к уголку рта и кашлянул:

— Ребята, просто спросите все, что хотите, хватит так пристально смотреть на меня.

Когда Гу Бай услышал это, его глаза загорелись:

— Цзи Жун, ты сын маршала?

— Ну.

— Родной?

— ... а как иначе?

— ... — Гу Бай уставился на Цзи Жуна и сказал: — Ты слишком хорошо скрывался!

— Так себе, ба! — Цзи Жун задумался на мгновение и сказал: — Но не говорите об этом другим.

Все сразу же кивнули:

— Хорошо!

Гу Бай вздохнул:

— Если бы это был я, я бы рассказал всему миру. Зачем ты это скрываешь?

Цзи Жун только улыбнулся и ничего не сказал.

Они болтали еще нескольких минут, задавая множество вопросов о жизни Цзи Чонга, что бы узнать привычки кумира и удовлетворить свое любопытство, вздыхая при этом с завистью.

Раньше они думали, что Цзи Жун был слишком раздражающим, но теперь они поняли, что он действительно "свой парень" и на самом деле хороший человек.

Наконец, Кирилл набрался смелости и спросил:

— Цзи Жун, скажи правду, Бог войны ударил тебя только что?

— А?

— Разве Бог войны только что не пытался избить тебя?

— Хех, — Цзи Жун подпер одной рукой челюсть и моргнул, глядя на Кирилла с самодовольным выражением лица, — Он бы не посмел.

Кирилл: ...

Уголки его рта яростно дернулись, когда он повторил слова Цзи Жуна. Его тон был полон сомнения:

— Не... посмел?

— Я сказал ему, что если он ударит меня, то я возьму отгул, чтобы вернуться домой сразу, как только вернусь в академию.

Все: ???

— Стану лампочкой*.

(* жарг. третий лишний (в присутствии влюблённой пары))

Все: ...

Все: Бог войны только что сдался?! Имеет ли это смысл? Это бессмысленно! Это слишком волшебю, что бы быть реальностью!

Цзян Юань не смог удержаться от смеха, когда увидел, как Цзи Жун выпендривается. Он сразу понял, что Цзи Жун уже много раз был избит Цзи Чонгом, но теперь он был похож на петуха-победителя.

Цзи Жун все еще чувствовал себя немного виноватым. Он не сказал Цзян Юаню, что его отец — Цзи Чонг, и когда услышал смех, его сразу же привлекло улыбающееся лицо Цзян Юаня.

— Вы все ничего забыли? — Цзян Юань окинул взглядом всех и напомнил.

Кирилл: ...

Гу Бай: ...

Все: ...

Гу Бай сильно стукнул Кирилла рукой и укорил:

— Это ты во всем виноват!

Кирилл обиделся:

— Ты сам захотел присоединиться, а теперь винишь меня?

— Виноват во всем ты!

Цзян Юань смотрел на них с большим удовольствием, в то время как Цзи Жун рядом с ним выглядел озадаченным:

— О чем вы говорите?

Однако в этот момент никто не обращал на него внимания, и все они решали, быть ли им бесстыжими или нет.

Но как будущие солдаты, полученное ими образование заставило их сдерживать слово.

— Брат...

После того как Кирилл закончил свою битву добра и зла, он стиснул зубы, немного пристыженный, и крикнул слабеньким шепотом.

Цзян Юань слегка улыбнулся:

— Я не расслышал.

Голос Кирилла стал немного громче:

— Брат Цзян...

— Брат, брат Цзян! — Гу Бай был готов признать поражение, громко позвал Цзян Юаня, и даже был очень бесстыден: — Брат, с этого момента я, младший брат, буду полагаться на твою защиту, дай своему младшему брату больше шансов показать себя во время соревнований!

— Хорошо.

— Брат, мы все слышали, как ты это сказал, ты не можешь нас обмануть!

— Ага.

Цзи Жун был в замешательстве, и когда он понял, что группа его товарищей по команде называет Цзян Юаня братом. Все его тело застыло, что здесь происходит?

Хотя они были в одной команде, они даже не знали друг друга раньше. Хотя тех, кто был сильнее, определенно уважали, некоторые из их товарищей по команде были старше их, и все

друг друга называли по именам, никто никого не называл "братом".

— Стоп! Почему вы, ребята, внезапно называете Цзян Юаня братом так уважительно, что случилось? — спросил Цзи Жун.

Кирилл нахмурился и сказал:

— Это все из-за тебя.

Все вздохнули.

Цзи Жун указал на себя:

— Из-за меня?

Цзян Юань снова засмеялся, когда только что произошедшее объяснили Цзи Жун, который слушал с удивленным выражением на лице и сказал Цзян Юаню:

— К счастью, ты сделал такую ставку только сегодня. Раньше меня только избивали.

Увидев облегченный взгляд Цзи Жуна, Цзян Юань рассмеялся и сказал:

— Тогда мне повезло.

— Да! Кстати... Я не говорил тебе раньше, что мой отец — Цзи Чонг, ты не сердишься? — Цзи Жун на мгновение замешкался и почувствовал необходимость объяснить все Цзян Юаню: — Причина, по которой я не сказал тебе, в том, что у моего отца особый статус... И каждый раз, когда я говорю это, я превращаюсь из Цзи Жуна в "Сына Бога войны"...

Хотя в глубине души он чувствовал, что Цзян Юань точно не будет злиться из-за этого, но что, если Цзян Юань будет недоволен?

Цзи Жун подумал и тут же рассказал все, а также поведал всю "печальную историю" о том, как он все эти годы был сыном Цзи Чонга, сильно приbedнясь и жалуясь.

Цзян Юаня это не волновало:

— Я не против, мы с тобой друзья, и мне все равно, кто твой отец.

Цзян Юань также поддразнил:

— Но стоит ли это рассматривать как то, что я теперь знаю "второе поколение военных"?

Цзи Жун сказал:

— Стоит!

Пока эти двое разговаривали, сзади них вдруг раздался тихий голос:

— Ты боишься, что Цзян Юань рассердится, но разве ты не боишься, что мы тоже рассердимся?

Цзи Жун даже не посмотрел на собеседника, беззаботно и бездумно ответив:

— Не боюсь.

Лю Шань, которого полностью игнорировали: ...

<http://bllate.org/book/14640/1299613>